

Сундук Монтеня,

*или
Приключения
переводчика*

Наталья Мавлевич

СЛОВО
ПЕРЕВОДЧИКУ

ИЛЛЮМИНАТОР
МОСКВА

A detailed blue-toned botanical illustration of a strawberry plant. The drawing shows several stems with serrated leaves, some bearing open flowers with five petals and prominent stamens, and others with developing or ripe strawberries. The strawberries are depicted with their characteristic seeds (achenes) and small green sepals. The style is that of a fine-line engraving or woodcut.

ПРЕДИСЛОВИЕ

Перевод закончен. Точка. Непередаваемое ощущение. Вдохнуть поглубже, посмотреть в окно: какая погода? Какое там у нас столетье на дворе? Погода серая, столетье ей под стать...

Но все же можно дать себе поблажку — часочек полежаться, полелеять приятную истому в душе.

А через час — открыть новый файл, окунуться в текст, который надо было сдать позавчера...

Нам всем в свое время, выражаясь патетически, посылают свыше некие пророчества. В моей жизни их было два, мне все сказали в детстве. Первое — «Сказка о Финисте Ясном Соколе». И когда уже кончатся эти чертовы колпаки, сапоги да ковриги! Зубов не осталось, Ясен Сокол облез, а я все грызу... Второе — скромный мультик «Кувшинчик и дудочка»: «одну ягодку беру, на другую смотрю, третью примечаю, четвертая мерещится».

И почему я не смотрела про Микки-Мауса или Дональда-Дака! Была бы оптимисткой.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

УЧИТЕЛЯ
И УЧЕНИКИ

ГЛАВА I

МАТЧИШ — ПРЕЛЕСТНЫЙ ТАНЕЦ, ИЛИ ДВЕРЬ ОТКРЫЛА СЛУЖАНКА

Матчиш — это бразильский танец начала XX века, о нем слышали все, кто читал «Золотого тельца». А кто ж не читал?! Вот интересно, на другие языки Ильфа и Петрова переводили? И если да, то как? Ладно еще «сын турецкоподданного» или «стремительный домкрат», ладно «не корысти ради, а токмо волею пославшей мя...», но все советизмы в лексике и интонациях...

Впрочем, когда мы, четверо развеселых третьекурсников, скакали по извилистым историческим коридорчикам старого здания филфака на Моховой и распевали во все горло «Матчиш — прелестный танец, тарам-пам-пара!», мысли про перевод советизмов нас не посещали. И никакие другие тоже. Весенняя сессия 1970 года, у нас было окно (на тебе, воображаемый коллега!) перед зачетом по сравнительной грамматике. Так скучно назывался

разбросанных по всему городу корпусам), причем, кажется, потерпела полный крах. В одной группе не смогла толковать студенткам, почему во фразе «у меня есть сестра» надо употреблять avoir (иметь), а не être (быть), а в другой, на музыкально-педагогическом факультете — не справилась с будущими учителями пения: имея абсолютный слух, они шпарили текст с настоящей французской интонацией (в той мере, в какой она есть у меня самой), но не могли ни перевести, ни составить ни одного предложения.

Наконец меня взяли по просьбе кого-то из отцовских друзей на кафедру новых методов преподавания иностранных языков, и очень вовремя, месяца за три до декретного отпуска. Собственно, именно с тем условием, что я уйду в декрет, а обратно не выйду. Так и получилось.

Доходявая последние месяцы, я еще успела сделать первый в своей жизни комментарий, да какой! — к «Мыслям» Паскаля для тома «Библиотеки мировой литературы», где они публиковались в

сокращенном виде, в переводе Эльги Линецкой. Я прочитала про Паскаля все, что было доступно, и первый раз почувствовала тогда, что значит срастись со своим автором (хоть я всего лишь комментировала текст). Такое родство сохраняется на всю жизнь, я знаю, что и теперь во мне есть кусочек Паскаля, человека, неустанно боровшегося с самим собой, со своим пылким воображением и беспощадным умом. Май 1973 года был страшно жарким, я карабкалась в справочный зал Иностранки и боялась начать рожать прямо там, на белой лестнице.

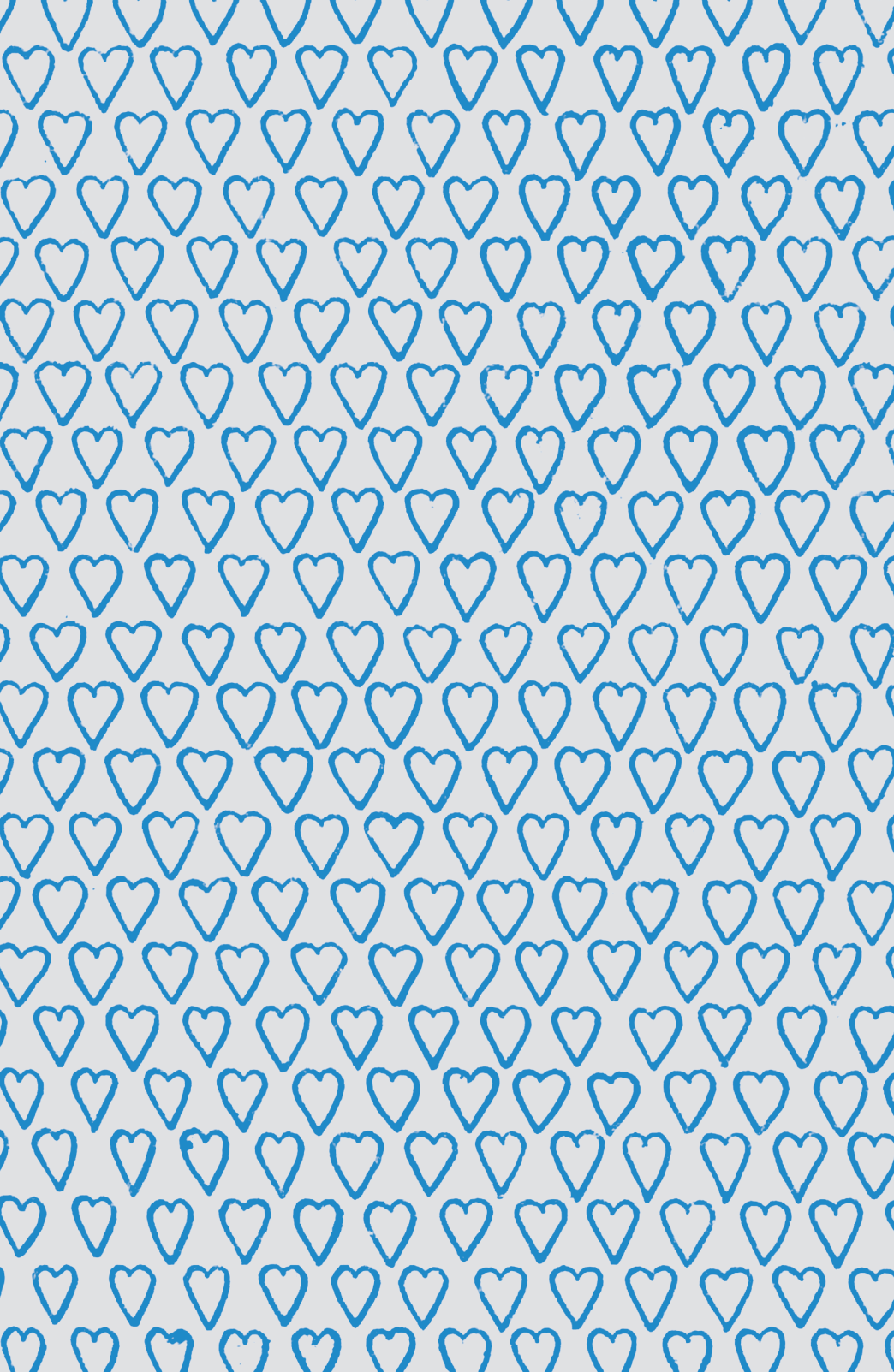
✧ *Блез Паскаль.*

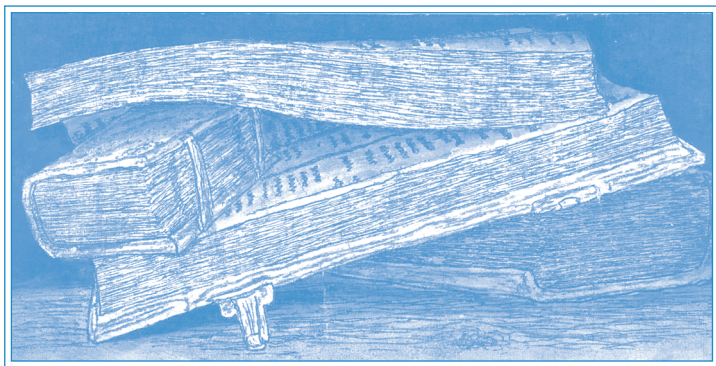
*Гравюра Огюстена Сент-Обена
с работы Огюстена Пажу.
1802*

Буквально за неделю до родов я в последний раз обсуждала корректуру с худлитовским редактором Сельмой Рубеновной Брахман почему-то у нее дома. Где находился этот дом, что мы обсуждали, не помню, в памяти остался только огромный апельсин, холодный, шершавый рыжий шар, в который мне до одури хотелось впиться зубами. Чтобы рот наполнился соком... Сельма Рубеновна дала мне этот апельсин вместе с ножиком и тарелочкой, а я страшно боялась сделать что-нибудь не так, оскандальиться. Начну резать корку — брызнет сок. И вообще, как правильно нарезать апельсин: кружочками или разделить на дольки? Ребенок в животе брыкался и требовал пить, а я пыталась сосредоточиться на опечатках и делала вид, что фруктами не интересуюсь. Но когда хозяйка вышла за чем-то на кухню, я надкусила апельсин, освежевала его дрожащими пальцами и сунула в рот целую дольку. По жилам разлилось блаженство. Я даже не сразу заметила, что залила соком свою широкую белую блузку. В ту ночь мне приснилось, что я родила толстенный словарь. Только тогда я благоразумно решила больше в библиотеку не ходить.

И вот возвращаюсь из роддома с драгоценным свертком в руках, окруженная сияющей родней, и сияю сама. Только переступила порог — телефонный звонок. Беру трубку, уверенная, что кто-то из друзей спешит меня поздравить, и действительно слышу: «Наташа? Поздравляю!» Не успела я удивиться, каким образом могла узнать о счастливом событии Сельма Рубеновна, уж не настолько мы с ней сблизились, как недоразумение выяснилось само собой: «Только что вышел наш Паскаль!» — «А я только что вышла из роддома», — брякнула я, и мы обе смущенно замолчали.

Спустя три года я снова начала искать работу, и меня выручила однокурсница и лучшая подруга Марьяна Кожевникова, которая к тому времени стала редактором «Детгиза» и вскоре тоже собралась в декретный отпуск, а меня порекомендовала на свое место.

ГЛАВА III

СЕРДЦЕ ЁКАЛО В КАРМАНЕ

«Детгиз» — это первые переводы, первые редакции, первый (и последний) опыт работы в советском учреждении, в «Детгизе» же произошла моя первая встреча с Лилианной Зиновьевной Лунгиной, хотя в тот раз мы и словом не перекинулись и никакой торжественный внутренний голос не произнес: «Это твоя судьба».

Итак, сию я в редакции, что-то вычитываю или расклеиваю.

Входит незнакомая женщина, озаряет всех с порога не просто вежливой, а какой-то очень домашней улыбкой, проходит к своему редактору, и они что-то там обсуждают и подписывают. «Кто это?» — спрашиваю. — «Лунгина». — «Которая Астрид Линдгрен переводит?» — «Ну да». Так захотелось подойти, поблагодарить. Не решилась.

Синенькую книжку «Малыш и Карлсон, который живет на крыше» папа привез из Москвы в Кратово, где мы жили

❖ *Лилианна Зиновьевна Лунгина. Фото из семейного архива*

круглый год, примерно в 1957 году. Читала я уже не по слогам, а так, что словесные картинки сразу впитывались в сознание, и вот я жадно глотаю страницы, обжигаясь неожиданными впечатлениями. Моим новым куклам достались тогда странные имена: Бетан и Гунилла. Запомнилось похожее на перезвон колокольчиков имя автора: Астрид Линдгрен. А что Малыш и Карлсон изначально разговаривали по-шведски и что кто-то научил их говорить по-русски, мне, как любому ребенку, и в голову не приходило.

Много лет спустя я узнала от Лилианны Зиновьевны (а потом в фильме Олега Дормана «Подстрочник» она рассказала об этом всем), как залетел в наши широты лучший в мире Карлсон. Это был один из примеров, подтверждающих ее любимую теорию о том, что самые плохие обстоятельства могут обернуться величайшим счастьем. Поскольку заказ на перевод с французского она получить не могла, а скандинавских переводчиков практически не было, она стала авоськами носить

❖ *Лилианна Зиновьевна Лунгина и Астрид Линдгрен. Фото из семейного архива*

из «Детгиза» домой скандинавские книжки. И в этих россыпях глянцевого пустяков вдруг нашла «Карлсона» и «открыла» (эффект железного занавеса) Астрид Линдгрен, которая к тому времени давно уже была мировой знаменитостью.

Прошло всего несколько месяцев после той встречи в «Детгизе», когда фанфары судьбы не прогремели за кадром, и я, уже безработная, очутилась осенью 1976 года у Лилианны Зиновьевны дома.

В «Подстрочнике» Лилианна Зиновьевна рассказывает:

«... в этот момент меня попросили вести семинар для молодых переводчиков с французского — выпускников университета и иняза. Я позвала Нёмочку Наумова вести этот семинар вместе со мной, и мы вдвоем решили — что было совсем дерзко — раздать нашим ребятам для перевода по рассказу Виана».

«Уже завершив многолетнюю работу (...), я с удивлением заметил, как изменился за эти годы мой почерк: был острый, стал округлый. Неужели изменился и характер? В дальнейшем я убедился и в этом. Однажды мне попался на глаза автограф страницы из poem д'Обинье: мой русский почерк стал походить на старо-французскую вязь переводимого поэта. Долго не мог прийти в себя. Д'Обинье не только расширил мой стилистический круг, но внедрил в меня свой мир».

Как каждый новый слушатель Александра Михайловича, я была убеждена, что его откровения адресованы только мне, что именно меня он удостоил особым доверием. Но про округлый почерк Агриппы очень скоро узнала вся Москва и вовсе не из нашего интервью.

Не знаю, чем я приглянулась Ревичу, но он позвал меня напарницей — вести с ним вместе семинар художественного перевода в Литературном институте. Французский семинар и раньше вели двое: Александр Михайлович и Кирилла Романовна Фальк, дочь художника и внучка Станиславского. Она переводила в основном с русского на французский, преимущественно поэзию. В 2006 году ее не стало, заменить ее я никак не могла: переводить на неродной язык, а тем более учить такому переводу я бы никогда не взялась. Но, видимо, Александру Михайловичу было привычно работать вдвоем, к тому же он чувствовал, что у него может не хватить сил довести до конца новую группу студентов. Так оно и получилось. Между приглашением и официальным началом работы прошло года полтора. Какие-то были административные помехи. Но за это время я успела несколько раз побывать на семинарах у Александра Михайловича. Первый из них был незабываемым. Насколько я помню, это было занятие второго семестра первого года обучения. В Литинституте французский учат с нуля, так что начинать приходится с самых простых детских книжек. Впрочем, они просты для чтения, а не для перевода.

Студенты Ревича всегда начинали с книжечки для детей лет трех-четырех про птиц. Про цаплю, чомгу, чайку, ласточку... В тот раз, когда я пришла на занятие и тихо-нечко села в дальний уголок, переводили про цаплю. Как она ходит, увязает лапами в болотном иле и при каждом шаге... чавкает? Чмокает? Надо было подобрать глагол и звукоподражание. Чмок-чмок? Чав-чав? Хлюп-хлюп? Не помню уж, на чем остановились, но помню, как расхаживал по аудитории цаплей сам Ревич, как потом он плавал чомгой и летал ласточкой.

✧ Теодор Агриппа д'Обинье.
Офорт Шарля Мерриона. 1862

Александра Михайловича студенты... как бы это сказать... любили почтительно. Когда мы, наконец, начали работать вместе, он уже не приезжал в институт, ему было трудно добираться и карабкаться по лестнице на второй или третий этаж. Семинары проходили по вторникам у него дома, недалеко от станции метро «Рижская». Меньше всего эти занятия были похожи на академические пары. Все рассаживались в небольшой, увешанной картинами гостиной, на диванах, стульях, кому-то доставался кусочек стола, кому-то нет, тогда тетради клали на коленки. Надо было видеть, какими глазами студентки и редкие в Литинституте студенты смотрели на мэтра. Это был театр одного актера. И зрителям не надоедало выслушивать одни и те же рассказы по несколько раз: про фронтовые приключения, про бегство из плена (конечно, мы все читали его написанные об этом стихи и поэмы), про дружбу с Арсением Тарковским и Аркадием Штейнбергом. И, разумеется,

❖ Амфитеатр в Арле.
Фото Виллема Витсена. Ок. 1860–1915

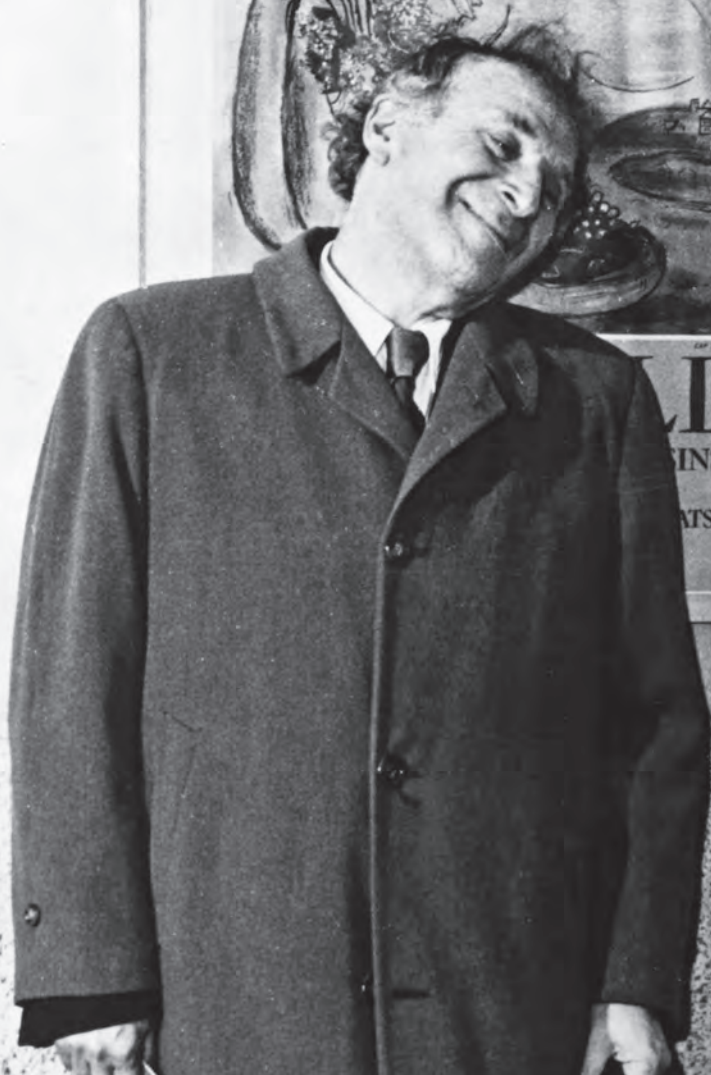
VILLE DE NICE

CAP D'AZUR 1944

ALL
INS

ATS-UNIS

❖ *Марк Шагал на фоне
плаката французской
выставки. Ок. 1945*
© DR/Archives Marc et
Ida Chagall, Paris

побывала вместе с мужем в Вильно на съезде Еврейского научного института. К проснувшейся ностальгии вскоре присоединились тягостные предчувствия. Вернувшись в Париж, Белла начинает писать мемуары и продолжает их уже в Нью-Йорке, куда семья была вынуждена уехать после нацистской оккупации Франции.

Пытаюсь представить себе, как осиротевший Шагал берет в руки эти тетради, читает и слышит голос Беллы, ее интонации, как отзывается в его сердце каждое слово. Текст Беллы и его иллюстрации как бы вступают в новый брак. Мне показалось важным проникнуть в это единство, проникнуться им, поэтому я начала перевод не с начала, а с той части, которая называется «Первая встреча», благо все три части книги и каждая глава в них достаточно самостоятельны, так что я не вклинивалась в середину текста, не разрушала его композицию. Эта часть состоит из четырех небольших глав, и говорится в них о знакомстве с Марком и поразившей обоих молниеносной любви.

Однажды я уже присутствовала при знакомстве будущих супругов в Витебске, в доме подруги Беллы и любовницы Марка Теи Брахман. Когда переводила «Мою жизнь».

«С ней, не с Теей, а с ней должен я быть — вдруг озаряет меня!

Она молчит, я тоже. Она смотрит — о, ее глаза! — я тоже. Как будто мы давным-давно знакомы и она знает обо мне все: мое детство, мою теперешнюю жизнь и что со мной будет, как будто всегда наблюдала за мной, была где-то рядом, хотя я видел ее в первый раз.

И я понял: это моя жена».

Белла — другой инструмент, другая, но созвучная мелодия:

❖ Мужчина со стаканом пива. Офорт Герарда Яна Боса. 1882

паузой; и обманчивое ощущение уходящего в бесконечность удовольствия... Сам-то знаешь: лучшее уже позади. Теперь нужно поставить стакан на пористый кружочек и даже чуточку его отодвинуть. Насладиться цветом — горького меда, холодного солнца. С толком и с расстановкой — совершается целый обряд, с тем чтобы овладеть чудом, которое исчезает, едва успев произойти. На стенке стакана с удовлетворением читаешь название — да, это пиво ты и заказывал. Однако, сколько бы ни переключались, как бы точно ни соответствовали друг другу сосуд и содержимое, волшебство невоспроизводимо. Хочется сохранить, облечь в формулы тайну синтеза чистого золота. Но эта алхимия за белым столиком в пятнах солнца сводится к соблюдению условностей, а удовольствия чем больше пьешь, тем меньше. И нет в нем радости: пьешь, чтобы забыть первый глоток».

Таких переводов у меня не было никогда. То есть никогда в переводе не приходилось так напрягать все органы чувств, включая осязание и обоняние. Не спрашивайте, сколько первых глотков пива я сделала, чтобы ощутить пузырьки и щекочущую горчинку. А ведь больше одного в день не бывает — остальные уже не первые.

В тапочках с веревочной подошвой по мокрой дороге я не ходила, да и нет у нас таких тапочек, зато матерчатые на искусственной коже в детстве бывали и по мокрой земле я в них, конечно же, бегала. Значит, надо вспомнить этот прохладный холодок, бегущий от ступней к животу, и подбирая слова, сверяться не только с французским текстом, но и с этой чувственной памятью.

«Веревочные тапочки — это лето, тепло, упругость, порою вязкость плавящегося асфальта. Но нет ничего лучше песчаной дороги после дождя. Запах... кукурузных початков, бузиновой коры, опавших тополиных листьев — вялых листиков, которые все лето

❖ *Жан Моравецкий, Франсуа Жоб, Элен Берр и Жан Пино в Обержанвиле. 1942.
Мемориал Шоа © Mémorial de la Shoah / fonds Mariette Job*

Проживаем день за днем вместе с ней, страдавшей от одиночества в оккупированном Париже. И слышим совсем близко ее голос в онемевшем городе... (...) Открывая эту книгу, хорошо бы помолчать, прислушаться к голосу Элен Берр и пойти с нею рядом. Этот голос и эта душа останутся с нами на всю жизнь».

Таковы первые и последние строчки предисловия. Понимаю, каким потрясением для Модigliano, ищущего всю

жизнь, из книги в книгу, отголоски прошлого, было услышать этот подлинный, невыдуманный голос.

Осень 2015 года. Я начинаю теребить близких и дальних знакомых, размахивать руками и книжкой, захлебываясь — внятных слов у меня пока нет, — втолковывать всем, что без нее просто невозможно дальше жить. Все кивают, смотрят на меня сочувственно. Чтобы не быть голословной, перевожу предисловие Модiano (ему веры больше, чем мне, — как-никак, свежий нобелевский лауреат!). перевожу... хотела написать «страницу за страницей», но нет — каждый абзац дается с трудом. Я понимаю: так, без дистанции, в горячке, нельзя — получится

ГЛАВА IX

В ИТАЛИЮ С Г-НОМ ДЕ МОНТЕНЕМ

Мы с г-ном де Монтенем познакомились, когда мне было 19 лет, а ему — 538. Познакомил нас Константин Валерианович Цуринов, руководитель моей курсовой работы. Он же читал у нас на втором курсе лекции по литературе Средних веков и Возрождения. Цуринов — обладатель сверхчеловеческой эрудиции, преподаватель от Бога, бесконечно преданный своему делу. В отличие от многих коллег Константин Валерианович был начисто лишен честолюбия или считал, совершенно справедливо, своими успехами достижения учеников. Он вырастил немало филологов-испанистов, ставших кандидатами и докторами наук, профессорами, авторами научных книг, сам же, насколько я знаю, писал очень мало, не защитил даже кандидатскую диссертацию, так что только в учениках и осталась память о нем. Надеюсь, впрочем, что сохранилась еще его огромная библиотека, которую он завещал МГУ.